

Мерзлякова Анна Владимировна

ИСТОРИКО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ 70-Х – КОНЦА 80-Х ГГ. XX В.

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века в советской историографии, исследовавшей государственные воззрения выдающегося русского мыслителя Б. Н. Чичерина, обозначилась дискуссия, предметом которой стали взгляды учёного на общественно-политическое устройство России. Осмысление государственного учения Б. Н. Чичерина продолжилось в последующие годы и вызвало неоднозначные оценки его интеллектуального наследия. Задачами настоящей статьи являются: исследование возникших тенденций научного освещения воззрений мыслителя; сопоставительный анализ работ советских историков по поставленной проблеме; раскрытие достоинств и недостатков трудов, посвящённых рассмотрению патерналистских взглядов Б. Н. Чичерина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 123-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/930.23

Исторические науки и археология

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века в советской историографии, исследовавшей государственные воззрения выдающегося русского мыслителя Б. Н. Чичерина, обозначилась дискуссия, предметом которой стали взгляды учёного на общественно-политическое устройство России. Осмысление государственного учения Б. Н. Чичерина продолжилось в последующие годы и вызвало неоднозначные оценки его интеллектуального наследия. Задачами настоящей статьи являются: исследование возникших тенденций научного освещения воззрений мыслителя; сопоставительный анализ работ советских историков по поставленной проблеме; раскрытие достоинств и недостатков трудов, посвящённых рассмотрению патерналистских взглядов Б. Н. Чичерина.

Ключевые слова и фразы: историография; либерализм; западничество; славянофильство; патернализм; патерналистская доктрина; консервативный либерализм; либерал; консерватор; государство; государственная школа; гегельянство; классовая методология.

Анна Владимировна Мерзлякова*Кафедра истории и политологии**Российский государственный университет туризма и сервиса**Annika2321@yandex.ru***ИСТОРИКО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА
В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ 70-Х – КОНЦА 80-Х ГГ. XX В. ©**

Советская историография до середины 70-х годов XX в. оценивала исторические и государственные взгляды Б. Н. Чичерина исключительно в негативном ракурсе. Патерналистские воззрения мыслителя трактовались как реакционные, нацеленные на укрепление монархической власти и имеющие своей целью защитить российский абсолютизм. В середине 70-х годов XX в. историографическая ситуация, связанная с изучением историко-государственной доктрины мыслителя, изменилась. Появились принципиально новые суждения, востребованные исторической наукой на современном этапе изучения интеллектуального наследия мыслителя.

Принципиально новым поворотом в изучении историко-государственного учения мыслителя следует считать опубликованную в 1975 году монографию В. Д. Зорькина «Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX - XX в.», которая не только воспроизводила основные положения диссертационной работы 1967 года, но и содержала новые интерпретации воззрений мыслителя [7].

Несомненный интерес представляет критика автором некоторых принципиальных оценок государственной теории Чичерина, изложенных в советской историографии. Зорькин опроверг устоявшееся в советской историографии мнение о Чичерине как о защитнике самодержавия. Так, автор выступил против историографических взглядов, изложенных в работах С. Бахрушина, Б. И. Сыромятникова, Н. А. Бердяева, Б. Бабицкого, В. Е. Иллерицкого, оценивающих Чичерина как идеолога абсолютизма, выступавшего за сильную монархическую власть [Там же, с. 168-169].

«Но ведь понятия “сильное государство” (или даже сильная государственная власть) и “самодержавие”, “абсолютизм”, - писал Зорькин, - далеко не тождественны. Действительно, в период феодализма (“сословно-гражданского строя” по схеме Чичерина) он движущей силой считает абсолютную монархию. Однако в эпоху торжества капиталистических порядков (“общегражданского строя”) самодержавие неприемлемо, по его мнению, не только на Западе, но и в России» [Там же, с. 169].

Кроме того, Зорькин выступил против утверждений исследователей В. И. Астахова, Г. Б. Кизельштейна, Л. А. Когана, Н. Г. Сладкевича, П. А. Зайончковского о том, что эволюция взглядов мыслителя происходила по направлению от умеренной оппозиции к самодержавию к его защите, провозглашённой в тактике «охранительного либерализма» [Там же, с. 169-170]. При этом критике подверглись доказательства авторов, приводимых в качестве аргументации своей позиции. В частности, исследователь считал неточным анализ записки Чичерина Победоносцеву, предложенной Зайончковским, в котором историк отмечал, что Чичерин являлся противником западноевропейских форм правления и стремился консолидировать охранительные элементы в Государственном Совете [Там же, с. 170]. «Характеристика Чичерина, - указывал автор, - как противника западноевропейских политических форм неточна. Он был против демократической республики, но отнюдь не конституционной монархии. Мнение же о том, что Чичерин пришёл, в конце концов, к защите самодержавия, не соответствует ни его теоретическим трудам, ни его практической деятельности» [Там же].

Автор обратил внимание на узость и неполноту источников, использовавшихся исследователями для обоснования тезиса о приверженности Чичерина к самодержавной форме правления в России. Записка являлась документом, в котором мыслитель не мог откровенно выразить свои мысли, так как она предназначалась для прочтения царю [Там же]. Зорькин отмечал, что в трудах «Конституционный вопрос в России» (1878 г.), «Собственность и государство» (ч. 2, 1883 г.) мыслитель «прямо доказывает необходимость ограничения

самодержавия и установления конституционной монархии. Сами “Задачи нового царствования” наряду с призывом к подавлению революционных сил ориентируют самодержавие, по миновании кризиса, на конституционный путь» [Там же].

Выводы ряда исследователей, по мысли Зорькина, основаны на анализе чичеринских работ по истории русского государства и права, в которых он обосновывал необходимость самодержавной власти в условиях сословного устройства общества [Там же]. «Между тем, - писал Зорькин, - учение Чичерина о государстве и его формах можно правильно оценить только при анализе всех его работ в совокупности и в первую очередь в тесной связи с его теорией развития общественного строя. Показывая закономерность торжества буржуазного общественного строя в России, как и на Западе, Чичерин делал вывод о неизбежности установления соответствующего ему политического порядка» [Там же, с. 170-171]. Зорькин выступил также против увязывания утверждений о приверженности Чичерина к «просвещённому» абсолютизму как следствия игнорирования изменений в политике самодержавия во второй половине XIX в. Зорькин выделил несколько этапов, связанных с эволюцией отношения либерала Чичерина к российской монархии. Первый этап связан с началом 60-х годов XIX в., когда самодержавие осуществляло буржуазные реформы и поддерживало иллюзию о мирном переходе к конституционному строю. Последовавшая волна реакции привела ко второму периоду его взаимоотношений с монархией, в котором Чичерин перешёл в оппозицию и стал доказывать необходимость ограничения самодержавного правления. Наконец, после кризиса 1881 г., когда правительство снова стало либеральничать, Чичерин снова предпринял попытки расширить права буржуазии. С указанной даты начинается третий этап эволюции его политических взглядов, отражающих отношение к существующей политической ситуации [Там же, с. 171]. «Он предлагал созвать, - писал Зорькин, - совещательное собрание выборных, которое затем постепенно должно было превратиться в полноправный парламент» [Там же].

Таким образом, Зорькин поставил под сомнение два принципиальных утверждения советской историографии предшествующего периода. Первое заключалось в том, что Чичерин являлся убеждённым сторонником самодержавия и противником конституции. Другое состояло в интерпретации эволюции политической позиции мыслителя от умеренной оппозиции самодержавию к поддержке последнего и как следствие смене взглядов мыслителя от умеренно-либеральных к охранительно-либеральным.

Принципиальная новизна выводов В. Д. Зорькина, идущая вразрез с доминирующей позицией советской историографии, сформировавшейся в 50-х - начале 60-х годов XX в., была отмечена В. И. Дурновцевым в работе «Проблемы истории России и стран Запада в освещении государственной школы» [3]. «Предприняв систематическое изучение политических идей Чичерина, - писал историк, - В. Д. Зорькин показал, что тот отстаивал единство исторического процесса в Западной и Восточной Европе. Однако вопрос о том, какое место в системе воззрений Чичерина занимало определение особенностей русского прошлого, не менее существенная сторона проблемы “Россия и Запад”, разработан слабее, что можно объяснить стремлением автора подчеркнуть главное в решении ее крупнейшим буржуазным либералом преодолеть сложившуюся историографическую традицию» [Там же, с. 39]. Четвёртая глава исследования автора «“Россия - страна европейская”. Б. Н. Чичерин об истории России и стран Запада» автор детально проанализировал западнические воззрения мыслителя, которые отразились на его интерпретации роли государства в исторической судьбе России. По мысли Дурновцева, Чичерин являлся убеждённым западником, бесспорно признававшим приоритет западно-европейской культуры [Там же, с. 83]. «Задача заключалась лишь в том, - писал исследователь, - чтобы получить из рук Запада плоды европейской цивилизации. Она успешно разрешилась в ходе петровских преобразований. Буржуазные реформы 60-х гг. рассматривались как проявление нового сближения с Европой и результат внедрения либеральных идей, выработанных европейской жизнью, в русскую почву» [Там же].

Историк отметил, что главной квинтэссенцией западнической позиции Чичерина являлась мысль о тождественности исторического процесса в России и Европы. Чичерин считал, что Россия не несёт миру никаких неведомых начал, а развивается в общеевропейском русле [Там же, с. 82]. Это концептуальное положение отразилось на исторической концепции российской государственности. «Если Соловьёв и Кавелин, - отмечал Дурновцев, - отрицали самую постановку вопроса о “средних веках” России, то Чичерин уверенно говорил о русском средневековье и без оговорок принял традиционную в западноевропейской историографии трехчленную периодизацию всемирно-исторического процесса, распространив её на Россию» [Там же, с. 83].

Апология Запада как воплощения самых передовых форм общественного устройства, по мысли историка, привела к излишней прямолинейности чичеринской государственной концепции, которая учитывала разноуровневое развитие России и европейских государств и объективное отставание России. «Доказательство единства исторического развития России и стран Запада, - писал Дурновцев, - имело отчётливо выраженную цель: представить буржуазную Европу идеалом, к которому должна стремиться Россия... При этом решительно отвергалась идея “самобытных начал” русской истории, так как она, с одной стороны, ставила под сомнение перспективность дальнейшей европеизации страны, а с другой – нередко совмещалась с убедительной критикой “язв капитализма”» [Там же, с. 86-87].

Дурновцев подчёркивал, что славянофилы, охранители и либералы имели одну точку соприкосновения, которая заключалась в отрицании возможности революционных перемен для России [Там же, с. 87]. Именно в мирном, ненасильственном характере преобразований, осуществляемых государством, Чичерин видел особенное содержание русской истории [Там же].

Историк отмечал, что Чичерин стремился доказать значение самодержавия для исторической судьбы России. «Абсолютная монархия, - писал исследователь, - признавалась единственной, неизбежной и оправданной

формой правления в стране в определённый период её истории» [Там же]. Историко-юридическая концепция Чичерина обосновывала необходимость сильной княжеской власти, вытекающей в средневековый период из вотчины [Там же, с. 92].

Таким образом, красной нитью через всё содержание государственной концепции мыслителя проходит идея об отсутствии в России альтернативы самодержавной форме правления.

Дурновцев отметил, что компаративистский метод Чичерина, основанный на сопоставлении России и Запада, и созданная на его базе историческая концепция, в основе которой лежало аксиоматичное утверждение о схожести исторических путей развития России и Запада, являлись перспективными с научной точки зрения для осуществления дальнейших исследований. Однако предложенная Чичериным политическая схема носила консервативный характер [Там же, с. 100-101].

В диссертационном исследовании В. И. Дурновцева «Проблема “Россия и Запад” в русской историографии (XVIII - 60-е годы XIX в.)» исторические взгляды Б. Н. Чичерина наряду с другими единомышленниками исследованы в 5-й главе «Проблемы истории России и стран Запада в освещении государственной школы» [4].

Исследователь отмечал, что, «по убеждению Чичерина, “особенное” в русской истории обусловливает постепенное и мирное преобразование общественных отношений по образцу и подобию западноевропейских. При этом история Западной Европы рассматривается не как однородное целое, а как условное географическое объединение государств, каждое из которых отмечено нитью своеобразия» [Там же, с. 305].

Историк рассмотрел вопрос о значении государственной школы в развитии отечественной исторической науки и отметил, что труды Соловьёва, Кавелина и Чичерина способствовали преодолению противопоставления России Западу [Там же, с. 321]. «Выступления “государственников”, - писал Дурновцев, - по проблемам соотношения хода истории на западе и востоке Европы выражали поступательное развитие отечественной исторической мысли и противостояли отживающим представлениям о феноменальности и уникальности русского прошлого» [Там же].

Кроме того, автор отметил позитивные стороны методологии приёмов познания исторического процесса «государственниками», доминантой которого стало придание решающего значения внутренним органическим факторам общественного развития, в которых воплощались закономерности исторического процесса [Там же]. «Такой подход, - писал историк, - позволял буржуазным исследователям уверенно подмечать особенное в русском прошлом, оно не подрывало их общего представления о единстве исторического процесса, но лишь свидетельствовало о различии в условиях жизни народов» [Там же, с. 319-320].

Таким образом, Дурновцев в отличие от предшествующих исследований обратился не к анализу гегельянских философско-методологических основ учения Чичерина о государстве, а к историко-сравнительному методу, на основе которого мыслитель структурировал свою патерналистскую доктрину. При этом исследователь обратил внимание на идейно-духовный концепт чичеринских воззрений, заключавшийся в безусловном признании схожести путей исторического развития России и Запада. С некоторыми оговорками признавались заслуги Чичерина, Кавелина и Соловьёва, взгляды которых имели более прогрессивный характер по сравнению со славянофилами, отстаивавшими идеи самобытности и уникальности исторической судьбы России.

Переосмысление некоторых оценок государственных воззрений Б. Н. Чичерина содержалось в труде А. М. Сахарова «Историография истории СССР. Досоветский период» [22]. В лекциях № 8-9 «Дворянская и либерально-буржуазная историография второй четверти и середины XIX в.» К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин были отнесены к основоположникам теоретических принципов государственной школы в отечественной историографии [Там же, с. 102-143]. «С их именами, - писал автор, - связано выделение истории права в особую отрасль исторической науки, что было характернейшим проявлением буржуазного подхода в истории» [Там же, с. 135]. Сахаров сделал больший акцент на анализе различий во взглядах Соловьёва, Кавелина и Чичерина.

Исследователь отметил, что одним из принципиальных расхождений во взглядах дореволюционных историков – Соловьёва, Кавелина и Чичерина являлся вопрос об общности исторических судеб России и Запада. Первый, по мнению Сахарова, отмечал, своеобразный путь развития России, но указывал на её поворот в сторону общеевропейского вектора протекания исторического процесса. Второй акцентировал внимание на разнице в темпах развития, и, наконец, Б. Н. Чичерин, будучи антиславянофилом, считал, что Россия – западноевропейское государство, имеющее определённую специфику [Там же, с. 136].

Сахаров также отметил расхождение схем государственного развития, предложенных Соловьёвым и Кавелиным, с Чичериным. «Вместо двучленной схемы Соловьёва, - писал историк, - “род – государство” “государственники” вводили трёхчленную схему “род – вотчина – государство”» [Там же, с. 138].

Исследователь впервые с многочисленными негативными оговорками отметил, что «при всей искажённости получившейся у “государственников” картины они всё-таки отразили такие существенные явления, как связь вотчинного землевладения с государственным строем, глубокое проникновение крепостнических порядков во все сословия средневекового русского общества, в том числе и в среду горожан и в различные слои господствующего класса, а главное, значительную роль государства в истории России. “Государственники” оценили это с точки зрения либеральной оппозиции крепостничеству» [Там же, с. 141].

Сахаров также пересмотрел ряд оценочных суждений на теорию «закрепощения сословий», выдвинутую «государственниками». Историк отмечал, что Чичерин выдвинул теорию «закрепощения сословий», суть которой заключалась в том, что крепостная зависимость стала «делом самодержавного государства, которое действовало, исходя из общественных потребностей» [Там же, с. 142]. Закрепощению подверглись все

сословия, и это стало государственным тяглом, наложенным на всех, независимо от социального статуса. Историческая необходимость закрепощения обуславливалась внешними нашествиями. В XVIII в. необходимость в закрепощении отпадает, и государство начинает «сверху» процесс раскрепощения сословий – сначала дворян и горожан, а затем в XIX в. – крестьян [Там же].

Историк отметил, что, несмотря на её идеалистический характер и антиреволюционное содержание она «органически связывала (хотя и в извращённой форме) процессы государственного объединения страны и формирования системы крепостного права в России» [Там же, с. 141].

Значение труда Сахарова заключалось в том, что в нём впервые на фоне доминирующих негативных интерпретаций воззрений государственной школы была предпринята попытка дать объективную оценку ряду концептуальных положений государственной школы, в том числе теории Чичерина.

Историк А. Н. Цамутали продолжил историографическую традицию освещения воззрения Чичерина в контексте рассмотрения государственной школы, сложившейся в дореволюционной исторической науке. В монографии «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.», изданной в 1977 году, исследователь рассмотрел исторические взгляды Чичерина в третьей главе «Государственная школа в пореформенный период» [27, с. 137-196]. В первом разделе главы «Б. Н. Чичерин и окончательное оформление концепций государственной школы» рассматривались исторические воззрения мыслителя [Там же, с. 137-161]. Исследователь указывал, что значительное влияние на формирование его политических взглядов оказала помещичье-дворянская среда, к которой он принадлежал. «Выходец из старинного дворянского рода, - писал Цамутали, - он был тесно связан с помещичьей средой, с той её интеллигентной частью, которая признавала необходимость изменений в общественном строе России, но хотела провести их в рамках самодержавного государства» [Там же, с. 140-141].

Историк проиллюстрировал сложную историю принятия к защите труда учёного «Областные учреждения в России в XVII в.» и отметил, что «основная идея магистерской диссертации Чичерина – теория главенствующей роли государства в истории России» [Там же, с. 148].

Образование государства являлось поворотным пунктом русской истории. Его формирование осуществлялось сверху в результате действий правительства, в роли которого выступала великокняжеская, а затем царская власть [Там же]. Исследователь подробно остановился на критике концепции Чичерина историком Кавелиным, славянофилом Ю. Ф. Самаринским, публицистом Н. Г. Чернышевским [Там же, с. 148-156], отметив, что Кавелин в целом отнёсся к работе Чичерина положительно [Там же, с. 154].

Историк также отметил такие положения государственной концепции Б. Н. Чичерина, как теорию закрепощения и раскрепощения всех сословий, которая настойчиво проводилась мыслителем как в ранних, так и в поздних трудах [Там же, с. 156]. Исследователь проанализировал такие работы мыслителя, как «Несвободные состояния в древней Руси», «Духовные грамоты великих и удельных князей», и отметил, что выдвинутые учёным концептуальные положения о господстве частного права в период «гражданского общества» и об отсутствии государства в связи с доминированием договорных отношений вызвали критическое отношение в дореволюционной исторической науке. Так, Милюков называл схему Чичерина «юридическим софизмом», основанным на недоказанных положениях [Там же, с. 158].

Цамутали придерживался негативной оценки роли Чичерина в развитии государственной школы. «В отличие от Соловьёва, - писал историк, - Чичерин не пытался выйти за рамки изучения истории юридических институтов и правовых норм. Движущую силу и основу исторического развития России он видел в самодержавном государстве... Представитель крайне правого крыла русского либерализма, Чичерин отрицательно влиял на развитие государственной школы» [Там же, с. 247].

Оценка эволюции политических убеждений мыслителя Цамутали не отличается принципиальной новизной по отношению к предшествующим историкам. «Политические взгляды Чичерина, - писал историк, - эволюционируют от критики николаевских порядков и требований основных свобод к апологии самодержавия и к утверждениям, что Россия исторически не подготовлена к свободным формам государственного устройства» [Там же].

Цамутали считал, что мыслитель занимал главенствующее положение в государственной школе во второй половине XIX в. «Именно он, - писал историк, - стал в пореформенный период, главой государственной школы, подчинив теоретические принципы государственной школы задаче исторического обоснования политической программы помещичье-буржуазного либерализма» [Там же, с. 147].

В 1978 году историк защитил докторскую диссертацию по теме «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.», в которой третья глава исследования «Государственная школа в пореформенный период» была посвящена эволюции взглядов представлявших её историков [28]. По мысли Цамутали, труды Чичерина ознаменовали второй этап развития государственной школы [Там же, с. 31]. Следует отметить, что историк указывал на важную роль мыслителя в развитии российской общественно-политической мысли и исторической науки. Между тем оценка идеологических воззрений Чичерина, по сути, совпала со взглядами историков Зайончковского, Сладкевича и Китаева. В середине 50-х годов XIX в., отмечал исследователь, «он выступает как один из представителей либерального движения, позволяющий высказывать некоторую критику в адрес правительства. Впоследствии взгляды Чичерина претерпевают существенную эволюцию. Он перемещается на правый фланг русского либерализма, выражает взгляды консервативного крыла» [Там же]. В качестве доказательства выдвинутого утверждения, не отличающегося принципиальной новизной, Цамутали привёл записку, поданную Чичериным Д. А. Милютину после убийства Александра II 1 марта 1881 года, в которой тот настаивал на сильной монархической власти [Там же, с. 32].

Доказательственная весомость записки дополнялась тем, что В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» рассматривал её как образец монархических устремлений русского помещичье-буржуазного либерализма [Там же]. Цамутали рассмотрел основные вехи общественной деятельности Чичерина и отметил, что общим вектором их развития стало выступление «в защиту либеральной программы... завершившееся эволюцией в сторону консерватизма» [Там же, с. 33].

Следует отметить, что контекстуальный подход в освещении государственных воззрений Чичерина в рамках государственной школы предполагал, с одной стороны, оценку вклада Чичерина в её становление и развитие, а с другой – отражение фундаментальных теоретических принципов и концептуальных положений школы, а также тенденций её развития во взглядах мыслителя.

Цамутали считал, что изменение позиций Чичерина от либеральных к консервативным было характерно не только для Чичерина, но и для других представителей государственной школы, в частности, Кавелина и Сергеевича. Итогом третьего этапа развития государственной школы стала её эволюция, которая привела к тому, что «она стала заниматься исключительно историко-юридической тематикой... и превратилась в направление, по существу, защищавшее охранительные позиции» [Там же].

«История государственной школы, - писал Дурновцев, рассматривая труд Цамутали, - была представлена как регрессивный процесс. Отрицательное влияние на неё оказал Чичерин, а труды Сергеевича дают основания говорить уже не о государственной, а историко-юридической школе в силу замкнутости их в кругу историко-правовых понятий» [3, с. 39].

Следует отметить, что если представители отечественной исторической науки рассматривали патерналистскую концепцию мыслителя в рамках государственной школы, к которой относили Соловьёва, Кавелина, Сергеевича, то исследователи государственно-правовой литературы относили Чичерина к русской школе юридического позитивизма, сформировавшейся в российской юриспруденции к началу 80-х годов XIX века. Кроме того, фигура Чичерина ставилась в один ряд с известным российским государствоведом А. Д. Градовским [15]. В советский период рассмотрение указанных фигур в качестве представителей одного направления было обусловлено ленинскими оценками.

«Это более или менее сходные фигуры, - писал Н. Я. Куприц, - которые в ряде случаев рассматриваются совместно. Характеризуя русское либеральное общество начала 80-х годов, его политическую незрелость, В. И. Ленин одновременно упоминает Чичерина и Градовского» [Там же, с. 87]. Исследователь считал, что мыслитель наряду с Кавелиным являлся основоположником государственной (юридической) школы русской историографии. «Историки этой школы, - писал Куприц, - пытались раскрыть закономерности исторического процесса. Но они игнорировали роль народных масс в истории, рассматривали Российское государство как надклассовую силу, которая, действуя в интересах всего общества, по своему усмотрению закрепощает и раскрепощает все сословия. Исторический процесс они сводили к смене юридических форм общественных отношений: от родового строя к вотчинному, а от него – к государственному строю. Чичерин считал главным содержанием истории “не материальные потребности”, а духовные силы» [Там же, с. 88].

Исследователь считал, что Чичерин придавал государственной власти в России чрезвычайно большое значение в развитии государства. «В его трактовке, - писал Куприц, - Русское государство выступает как надклассовая и даже надсословная организация» [Там же]. Исследователь проанализировал труды мыслителя и проследил эволюцию его государственных взглядов в 60-90-е годы XIX в.

Куприц согласился с позицией Зорькина о том, что чичеринским идеалом являлась конституционная монархия. Однако дополнил его выводы рядом собственных рассуждений [Там же, с. 128]. Исследователь отметил, что в конце 50-х годов XIX в. Чичерин выступал против конституции. Так, он обвинял «надменную олигархию» «в пренебрежении к подлинно государственным интересам, в преследовании только своих корыстных целей. Ссылаясь на опыт западных стран, особенно Франции, он предупреждает о непрочности власти, ищущей опоры только в аристократии. Но каковы бы ни были мотивы подобных рассуждений, объективно они служили интересам укрепления самодержавия» [Там же, с. 82-83].

В 60-е годы XIX в. Б. Н. Чичерин выступал за умеренные конституционные реформы и в работе «Несколько современных вопросов» считал, что вся полнота законодательной власти не должна сосредотачиваться исключительно в руках правительства и рассматривал возможность привлечения к управлению общественных сил [Там же, с. 89]. Однако в той же работе Чичерин доказывал, что к участию в управлении государством способны не все сословия.

«Таким образом, - писал Куприц, - по мысли Чичерина, и в пореформенный период сохраняется политическое господство дворянства при возрастающем участии в государственной жизни купечества и, видимо буржуазной интеллигенции, которые в дальнейшем будут составлять “цвет труда и образования”. Большинство же населения, крестьянская масса, по-прежнему остаётся вне политики» [Там же, с. 90].

Мыслитель, по мнению исследователя, рассматривал равноправие сословий не с позиций предоставления равных прав, а в предоставлении возможностей доминирующего участия в различных сферах. Крестьянам предлагалась сфера сельского хозяйства, среднему сословию – города, а дворянству – области. Последнее наделялось правом на управление в сферах сельского и городского хозяйств [Там же, с. 90-91].

Исследователь проанализировал труд мыслителя «О народном представительстве» и отметил интерпретацию автором сущности политической свободы. Она заключалась в том, что «гражданин как “член государства” участвует в общих делах, а это определяет его участие в государственной власти. Таким образом, политическая свобода является высшим развитием личной свободы. Но политическая свобода может осуществляться лишь на определённом уровне общественного развития» [Там же, с. 93].

Куприц отмечал, что патерналистские воззрения мыслителя необходимо рассматривать в двух ракурсах – общетеоретическом и прагматическом. Первый предполагал анализ содержания общих категорий – государство, конституция, свобода, и т.д. Кроме того, в этом же формате должны рассматриваться политические идеалы мыслителя. Другой контекст предполагал рассмотрение отношения выработанных Чичериным идеалов применительно к сложившейся общественно-политической ситуации в России в пореформенный период.

«Обращаясь к соотношению государственной власти и общественного устройства России, - писал Куприц, - Чичерин... приписывает самодержавию решающую роль в деле развития русского общества... Чичерин считает, что активная, чуть ли не творческая роль самодержавия продолжает сохраняться и во второй половине XIX столетия» [Там же, с. 94-95].

Куприц рассмотрел один из фактов общественной деятельности Чичерина, который, по его мнению, доказывал приверженность мыслителя к конституционной монархии. Этот эпизод касался речи, произнесённой в 1883 году на обеде городских голов, данном в честь Александра III в дни его коронации. Кроме того, в конце 90-х годов Чичерин требовал представительного собрания, состоящего из двух палат. Одна - состояла из 2-3 от каждого губернского земства, другая – формировалась на основе Государственного совета [Там же, с. 129-130].

Историк Н. И. Цимбаев указывал, что «в кругах консервативно настроенного дворянства господствовало убеждение, что правительство, проведя отмену крепостного права и тем самым лишив дворян важных привилегий, должно поступиться частью своей власти в их пользу. Своёобразным выражением этого убеждения стало дворянское конституционное движение, лидеры которого (В. П. Орлов-Давыдов, А. П. Платонов, Н. А. Безобразов) видели путь к закреплению преобладания дворянства в политической жизни страны. Видные представители либералов выступили против дворянского конституционного движения. Газета “Весть” 1863 г., вокруг которой с 1863 г. группировались виднейшие представители дворянского конституционализма, критиковалась за олигархические устремления всеми либеральными печатными органами» [29, с. 55].

Во второй половине 70-х – начале 80-х годов XX в. советские историки обращались к изучению проблем земского либерального движения и городского самоуправления во второй половине XIX в [18; 21].

Историк Н. М. Пирумова в монографии «Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века», изданной в 1977 году, отмечала, что Б. Н. Чичерин занимал «своёобразную позицию в историографии земства. Основатель государственной школы, сторонник монархической сильной власти, постоянный оппонент левых либеральных земцев, он вместе с тем защитник облечённых правами, сильного земства» [21, с. 17]. Историк выступила против утверждения В. В. Гармизы, высказанного им в статье «Земская реформа и земство в исторической литературе», о том, что Чичерин представлял земские учреждения «в виде со-словно устроенных органов дворянства с зависимостью уездных земств от губернских, а тех и других – от коронных чиновников» [Там же]. Чичерин, по мысли Пирумовой, осознавал пагубность чрезмерной бюрократической централизации и предлагал простор для самостоятельности и самоуправления [Там же, с. 17-18].

Высказанная исследователем точка зрения диссонирует со сложившимся в советской историографии представлением о мыслителе как одиозном выразителе интересов дворянско-помещичьего класса.

Во второй главе «У истоков земского либерального движения» Чичерин рассматривался Пирумовой как один из зачинателей либерального движения наряду с Кавелиным. У представителей русского либерализма не было единого мнения о способах организации земских учреждений в России. Часть деятелей выступала за децентрализацию власти по образцу Англии, то есть передачи большей части функций из центра на места [Там же, с. 56]. «Другая, прежде всего Чичерин, - писала автор, - были сторонниками централизации, образом которой считали Францию» [Там же]. Выбор в пользу Франции пал в связи с тем, что в ней, как считал мыслитель, утвердилось начало гражданского равенства [Там же, с. 57].

Пирумова отмечала, что одной из типичнейших черт русского либерализма, которую выражал Чичерин, являлось стремление соединить самодержавие и свободу [Там же, с. 61]. «В свободном высказывании мнений, - писала исследователь, - и убеждений видел он краеугольный камень либеральной политики» [Там же]. Общим между славянофилами и либералами являлось то, что они отстаивали неприкосновенность царской власти, требовали свободы слова, мнений, гласности и считали, что возможно достичь консенсуса между самодержавием и органами местного самоуправления [Там же].

Исследователь выделила три группы земских либеральных деятелей. К первой она отнесла умеренных либералов, группировавшихся вокруг журнала «Вестник Европы». Вторая - славянофильская - была представлена деятелями, примыкавшими к Московской управе во главе с Д. Н. Шиповым. Наконец, последняя выступала за конституционализм и была представлена тверскими земцами [Там же, с. 108]. Чичерин и Кавелин, по её мнению, с их умеренно-либеральной программой тяготели к первому крылу [Там же, с. 68]. Исследователь сделала вывод о невозможности отождествления конституционализма с либерализмом [Там же, с. 68-69].

Пирумова поддержала высказанную Зорькиным точку зрения о том, что Чичерин не являлся сторонником самодержавия и выступал за ограничение монархической власти. Мыслитель, как отмечала историк, разработал умеренный вариант представительного правления и издал его в Берлине за подписью «Русский патриот» [Там же, с. 161]. «Итак, - писала историк, - правовое государство с ограничением воли монарха – таков был итог эволюции взглядов недавнего апологета самодержавия» [Там же].

Таким образом, рассмотрение взглядов Чичерина на земские учреждения иллюстрируют его приверженность к умеренно-либеральной идеологической платформе, которая рассматривала в качестве элемента реформирования общества «сверху» создание всесословных органов местного самоуправления как способа реализации прав личности на свободу слова и мнения.

В. А. Нардова в монографии «Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика» остановилась на известном факте общественно-политической биографии – пребывание в должности московского головы в 1882–1883 гг. [18]. Автор проанализировала речи Чичерина, с которыми он выступал перед представителями высшей власти, и отметила, что в них нашли своё выражение государственные взгляды мыслителя. Так, 26 января 1882 года при вступлении в должность московского головы Чичерин высказал идеи «государственной теории самоуправления», «в соответствии с которой местные общественные учреждения предлагалось рассматривать как особую разновидность правительственных учреждений и не противопоставлять первых последним» [Там же, с. 164]. Чичерин просил Думу не выступать с необоснованными притязаниями, выходящими за рамки предоставленных ей полномочий, а с доверием ожидать положительного решения верховной власти [Там же]. «Речь Чичерина, - отметила Нардова, - отражала его общую политическую концепцию и вместе с тем свидетельствовала о непонимании им уровня развития городского самоуправления в России, не только совершенно не готового в это время играть роль политического органа, но и не притязавшего на эту роль» [Там же].

Нардова для реконструкции государственных воззрений Чичерина использовала источники, связанные с общественно-политической деятельностью мыслителя. Речи Чичерина, сказанные им в должности московского головы в 1882–1883 гг., приобрели принципиально новый оценочный формат в исторических исследованиях второй половины 80-х годов XX в.

Смена общественно-политической ситуации в стране, связанная с эпохой «перестройки» и «гласности», демократизация общественных процессов затронули историческую науку и привели к появлению трудов, акцентировавших внимание на изучении либеральной парадигмы государственных взглядов мыслителя. Исследований, рассматривавших воззрения Б. Н. Чичерина через призму классового подхода, становится меньше.

Историк Н. Эйдельман отмечал, что «“Революция сверху” в условиях России, с одной стороны, весьма эффективна, ибо осуществляется самой могучей силой в стране – неограниченным государством; с другой же стороны, этот “плюс” быстро становится “минусом”, как только дело доходит до продолжения, внедрения преобразований. Начатые сверху перемены могут быть закреплены, усвоены, продолжены только при активном участии, содействии общества» [30, с. 101]. Однако те преобразования, которые были осуществлены в 1855–1874 гг., по мнению исследователя, требовали продолжения при поддержке различных общественных слоёв, «но тут-то как раз нашла коса на камень» [Там же]. В качестве примера нежелания самодержавия идти на компромиссы с либеральной общественностью исследователь привёл деятельность «весьма умеренного либерала из правого крыла московской профессуры» Чичерина в должности московского головы в 1882–1883 годах [Там же]. Он произнёс речь во время посещения царём Александром III столицы, в которой «позволил себе крохотные намёки насчёт того, что умеренные “солидные” силы купечества, интеллигенции сочувствуют монархии в её борьбе против “смутьянов”, а также в других сферах российской жизни» [Там же]. Ответом на такое вполне лояльное выступление стало распоряжение не публиковать речь Чичерина, содержащую, по мнению властей, конституционные призывы, а спустя некоторое время он был отстранён от занимаемого поста [Там же, с. 102].

В поздних советских исследованиях подчёркивалось политическое одиночество мыслителя, который в силу своих убеждений находился в постоянной оппозиции к представителям различных либеральных направлений. Историки С. Секиринский и Т. Филиппова характеризовали Чичерина как «либерала, близкого к правительственным кругам и обладающего задатками общественного и государственного деятеля» [23, с. 67]. «Убеждённый западник 40-50-х годов, - писали исследователи, - он увидел в реформах Александра II политический оптимум для России на достаточно долгий срок. В отставании неизбежности возведённого в 60-е годы фундамента отечественной гражданственности заключалось существо политической позиции Чичерина первых пореформенных лет. Оставшись вследствие этого за пределами освободительного движения, устремлённого к новым целям, он пребывал в состоянии едва ли не перманентной оппозиции по отношению как к тем, кто, по его мнению, слишком забегал вперёд, так и к тем, кто тянул Россию назад» [Там же].

Новое поколение исследователей стремилось сконструировать свои теоретические концепции осмысления исторического процесса в России и определить в них место государственных воззрений историков. Так, Медушевский в статье «Реформы и контрреформы в истории России» отмечал, что «последовательная смена реформ и контрреформ – вообще характерная черта русского исторического процесса нового и новейшего времени» [16, с. 106]. Ключевой парадигмой статьи Медушевского являлось утверждение о том, что магистральным направлением развития России должна стать модернизация при поддержке широких слоёв населения. Исторический опыт России показывал несостоятельность контрреформ по отношению к преобразовательным процессам [Там же, с. 108].

Либеральная платформа Чичерина и Кавелина рассматривалась Медушевским как позитивный альянс передовых представителей дворянства и просвещённой российской бюрократии [Там же, с. 106]. «Основу их позиции, - писал автор, - составляло убеждение в неотложности демократизации общества, освобождения крестьян с землёй, стремление сохранить стабильность системы в целом» [Там же]. Утрата политического влияния Чичерина в правящей элите рассматривается исследователем как результат противодействия консервативного дворянства и радикальной интеллигенции и наступления периода контрреформ [Там же].

Таким образом, наблюдалась тенденция позитивного освещения общественно-политической деятельности Чичерина как идеолога либерализма, оказавшего заметное влияние на реформаторский курс правительства, осуществлённого в 60-е годы XIX в. При этом Чичерин характеризуется как умеренный либерал без акцента на консервативную составляющую его воззрений.

В 1987 году была опубликована монография А. Н. Ерыгина «История и диалектика», в которой автор изложил методологию истории Б. Н. Чичерина [5, с. 172-180].

Исследователь предпринял, пожалуй, первую попытку в отечественной историографии детального изложения исторической концепции мыслителя. По мысли Ерыгина, любая историческая теория или концепция «является единством троякого рода» [Там же, с. 172]. «Она синтезирует, - писал автор, - как бы вбирает в себя, во-первых, генерализации чисто познавательного плана, те положения, которые получены путём обобщения эмпирического материала; во-вторых, положения общеметодологического характера, конкретизированные для решения данной, познавательной, исследовательской задачи; в-третьих, поскольку речь идёт о социальном знании, следовательно, об идеологических явлениях, положения оценочного характера, выражающие, прежде всего, политическую ориентацию историка. Основная идея всякой исторической теории... есть одновременно и научная, и философская, и политическая идея» [Там же].

Исследователь выделил семнадцать основных положений чичеринской исторической концепции.

1. Роль природных, географических условий в истории народа [Там же, с. 173].
2. Влияние внешних исторических условий на ход и развития истории народа [Там же].
3. Роль характера народа для его исторической жизни [Там же].
4. Роль народных масс в истории общества [Там же, с. 173-174].
5. Роль верховной государственной власти в общественно-политическом развитии [Там же, с. 174].
6. Роль личности в истории [Там же].
7. Общество (государство) как органическая система [Там же, с. 174-175].
8. Роль естественных связей и отношений между людьми в развитии общества [Там же, с. 175].
9. Роль практической деятельности людей и их экономических связей и отношений в развитии общества [Там же, с. 175-176].
10. Роль духовной деятельности людей в развитии общества [Там же, с. 176].
11. Роль социально-организационной деятельности в развитии общества [Там же].
12. Исторический процесс как реализация физических и духовных способностей человека в жизнедеятельности общества [Там же, с. 176-177].
13. Закономерный характер исторического развития [Там же, с. 177].
14. Закон постепенности исторического развития [Там же].
15. Закон критической ситуации исторического развития [Там же, с. 177-178].
16. Закон перехода к новой форме в развитии общества [Там же, с. 178].
17. Закон диалектического процесса в общественно-историческом развитии [Там же].

Исследователь отметил, что многие положения чичеринской методологии имеют сходства с концептуальными положениями Соловьёва и Кавелина. «Однако, - писал автор, - если мы сравним центральные, конституирующие всю совокупность (систему) методологических ориентаций, основополагающие методологические идеи Кавелина, Чичерина и Соловьёва, то увидим очень глубокие различия между каждым из них» [Там же, с. 179].

По мысли Ерыгина, «методология истории Чичерина, базируется на представлении о диалектическом характере процесса развития, с которым непосредственно связаны положения об органическом характере строения общества и тезис об истории как об общественной реализации в человеческой деятельности духовной сущности человека. Разумеется, это понимание истории идеалистическое; действительно, диалектика Гегеля обладает рядом черт, ослабляющих её действие как метода познания. Но только чичеринская методология истории является строго монистической, и только она может быть всерьёз сопоставлена с философией истории Гегеля» [Там же, с. 180-181].

На основе утверждений автора о принципиальном различии в методологии познания исторического процесса у Соловьёва, Кавелина и Чичерина, Ерыгин сделал вывод о том, что постановка проблемы об их отношении к государственной школе в отечественной исторической науке является необоснованной и ошибочной, а правильно было бы ставить вопрос об историографическом направлении, течении [Там же, с. 181]. «Так называемая государственная школа, - писал автор, - есть на самом деле не что иное, как либерально-западническое течение в рамках буржуазного направления русской исторической науки середины и второй половины XIX века» [Там же]. Чичерин являлся представителем диалектического, гегельянского течения в этом направлении, а Соловьёв и Кавелин – «переходного», идущего от романтизма и просветительства с использованием некоторых идей Гегеля к позитивизму [Там же].

Таким образом, осмысление методологии познания исторического процесса привело философа А. Н. Ерыгина к выводам об отсутствии государственной школы в исторической науке во второй половине XIX в. Данное утверждение идёт вразрез с выводами, изложенными в работах В. Е. Иллерицкого, В. И. Астахова, А. Н. Цамутали, А. Д. Сахарова, Н. Я. Куприца о принадлежности мыслителя к единой государственной школе в исторической науке. Следует, однако, отметить, что данная дискуссия, по сути, представляла собой спор между философами и историками. Ерыгин сделал акцент на полноте и всесторонности применения методологии Гегеля в трудах Соловьёва, Кавелина и Чичерина, а советские историки в качестве общего типологического признака, позволяющего отнести дореволюционных исследователей к единой школе, выделили общее концептуальное положение историков о ведущей роли государства в российском историческом процессе.

В контексте рассматриваемой проблемы интересным представляется суждение историка В. И. Дурновцева о ходе генезиса государственной школы. «С середины 40-х гг. XIX в. в буржуазной исторической науке, -

писал автор, - складывается государственное направление. Входящие в него историки и историки права, разделяя коренные идейно-методологические принципы буржуазного мировоззрения, в научном творчестве проявляют отчётливо выраженное стремление рассматривать исторический процесс с точки зрения зарождения и последовательности развития государственных отношений и государственной власти. Концепции, выдвинутые представителями этого направления, не совпадали во многих существенных пунктах. Они проявляли разномасштабный интерес к исследовательской и общественно-политической деятельности. Неоднозначен их вклад в разработку проблем отечественной и всеобщей истории. Разновременно вхождение в науку... Но во всех случаях неизменным оставалось тяготение оценивать историческое прошлое и современную им действительность со стороны воплощения в них идеи государства и именно с государственной властью связывать осуществление своих социальных и политических идеалов» [3, с. 39-40].

Таким образом, вопрос о наличии или об отсутствии государственной школы в отечественной историографии остаётся открытым, так как исследователи (историки и философы) принципиально расходятся в определении методологического основания отнесения дореволюционных мыслителей к определенному направлению или школе.

Итак, рассматриваемый период осмысления историко-государственных воззрений Б. Н. Чичерина характеризовался появлением их принципиально новых оценок. Наряду с господствовавшим в советской исторической литературе предшествующих периодов представлением о мыслителе как стороннике сохранения неограниченного самодержавия, в персональной историографии, посвящённой Чичерину, появляются выводы о либеральной сущности его патерналистской доктрины. Они основывались на приверженности мыслителя идеалу конституционной монархии и признания необходимости ограничения самодержавия представительным учреждением.

Другой принципиально новой историографической тенденцией освещения патерналистских воззрений Чичерина стало переосмысление роли государственной школы в освещении хода исторического развития России. Наряду с доминировавшими отрицательными оценками был отмечен определённый позитивный вклад её представителей, в том числе Б. Н. Чичерина, в выявлении закономерной связи между вотчинным землевладением и государственным строем, а также обусловленности развития крепостных отношений формированием государственности.

Наконец, в исследовании А. Н. Ерыгина на основе анализа чичеринской методологии познания исторического процесса была впервые высказана точка зрения об отсутствии государственной школы в отечественной исторической науке и предпринята попытка комплексной реконструкции патерналистской концепции мыслителя.

Таким образом, главным итогом рассматриваемого периода в советской историографии стало зарождение научной дискуссии, выходящей за рамки персональных взглядов мыслителя и затронувшей оценки роли и места государственной школы в отечественной исторической науке. Данный спор продолжается в современной историографии рассматриваемой проблемы.

Список литературы

1. Аврех А. Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31.
2. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1965.
3. Дурновцев В. И. Проблемы истории России и стран Запада в освещении государственной школы: учеб. пособие по спецкурсу. М., 1984.
4. Дурновцев В. И. Проблема «Россия и Запад» в русской историографии (XVII - 60-е годы XIX в.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1987.
5. Ерыгин А. Н. История и диалектика. Ростов-на-Дону, 1987.
6. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
7. Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX - начала XX в. М., 1975.
8. Иллерицкий В. Е. Государственная школа // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 103–128.
9. Иллерицкий В. Е. Государственная школа в русской историографии // Историография истории СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской Социалистической Революции. М., 1971. С. 257–270.
10. Иллерицкий В. Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141–160.
11. Кизельштейн Г. Б. Политические взгляды Б. Н. Чичерина в 1848–1867 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966.
12. Китаев В. А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143.
13. Ковальченко И. Исследование истины само должно быть истинно // Коммунист. 1989. № 2. С. 86–96.
14. Коган Л. А. О понятии «русское гегельянство» // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 100–111.
15. Куприц Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). М., 1980.
16. Медушевский А. Реформы и контрреформы в истории России // Коммунист. 1991. № 2. С. 97–108.
17. Могильницкий Б. Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 3–16.
18. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.
19. Панарин А. Революция и Реформация // Знамя. 1991. № 6. С. 207–220.
20. Пантин И., Плимак Е. Россия XVIII–XX вв. Тип «запоздавшего» исторического развития // Коммунист. 1991. № 11. С. 54–68.
21. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
22. Сахаров А. Д. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
23. Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы // Вестник высшей школы. 1990. № 7. С. 62–70.

24. Сирота А. «Настало время считать времена...» // Знание – сила. 1991. № 6. С. 66–80.
25. Солженицын А. Красное колесо // Знание-сила. 1990. № 3. С. 66–80.
26. Федотов Г. П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 197–214.
27. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.: монография. Л., 1977.
28. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1978.
29. Цимбаев Н. И. К истории общественной мысли и освободительного движения в России // Преподавание истории в школе. 1990. № 4. С. 45–56.
30. Эйдельман Н. Революция сверху в России (заметки историка) // Наука и жизнь. 1989. № 3. С. 101–108.

B. N. CHICHERIN'S HISTORICAL-STATE VIEWS IN ESTIMATIONS OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE 70S – THE END OF THE 80S OF THE XXTH CENTURY

Anna Vladimirovna Merzlyakova
Department of History and Political Science
Russian State University of Tourism and Service
Annika2321@yandex.ru

In the second half of the 60s – at the beginning of the 70s of the XXth century in the soviet historiography, researching the state views of the outstanding Russian thinker B. N. Chicherin, a discussion appeared, which subject was the scientist's view on the social-political system of Russia. The process of understanding B. N. Chicherin's state doctrine continued in subsequent years, and caused the ambiguous estimations of his intellectual legacy. The objectives of this article are: the research of emerging tendencies in the scientific coverage of the thinker's views, the comparative analysis of soviet historians' works on the stated problem, the revelation of the advantages and disadvantages of the works devoted to the consideration of B. N. Chicherin's paternalistic views.

Key words and phrases: historiography; liberalism; Westernization; Slavophilism; paternalism; paternalistic doctrine; conservative liberalism; liberal; conservative; state; state school; Hegelianism; class methodology.

УДК 7

Искусствоведение

В статье рассматривается взаимосвязь искусства костюма, рекламы и моды. Цель работы состоит в анализе процессов, предопределивших формирование проектно-художественных форм иллюстрации моды в начале XX века. Предмет исследования – специфические особенности визуализаций модного костюма и их трансформация в рекламные образы с определенной визуально-стилистической и смысловой выразительностью. Поднимаются вопросы, связанные с формированием эстетического воздействия рекламных образов модного костюма за счет их художественных качеств. В результате выявляются особенности развития визуализаций костюма в модной иллюстрации.

Ключевые слова и фразы: визуализация модного костюма; иллюстрация моды; рекламный модный образ; модная коммуникация; стилистика трактовки модного образа; дизайн в моде.

Надежда Валериевна Миргородская

Кафедра художественного моделирования текстиля и одежды
Харьковская государственная академия дизайна и искусств, Украина
nadin0103@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЙ КОСТЮМА КАК ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ ИЛЛЮСТРАЦИИ МОДЫ[©]

На современном этапе деятельность дизайнера в сфере моды обусловлена процессами глобализации и демократизацией одежды. Как художественная практика, искусство костюма сосредоточено на образно-репрезентативных механизмах, тесно переплетенных с тенденциями моды. Костюм, являясь одной из форм материализации моды, отображенный в иллюстрации, раскрывает аспект визуализации символической, знаковой реальности, который стал объектом внимания научно-концептуальных, интерпретационных исследований в истории культуры, искусства, в эстетических, социологических и психологических теориях конца XX века.

Дизайнерские идеи играют определяющую роль в формировании взглядов на моду и стиль, трансформируя образы и смыслы элитарной культуры в образцы культуры массовой. Художественный образ костюма как результат индивидуально-креативной деятельности воплощает идеи с определенным смыслом, имеющим ценностное, эстетическое значение, и приобретает значение «модного», то есть становится модным образом костюма. Реализуя коммуникативную функцию как таковую, костюм приобретает дополнительную специфическую